

Алла
Горбунова

КОЛОДЕЗНОЕ ВИНО

Москва
2010

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Г67

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта Вадим Месяц
Главный редактор серии Андрей Тавров
Оформление серии Валерий Земских

Г67 Алла Горбунова
Колодезное вино. — М.: «Русский Гулливер»/Центр современной литературы, 2010. — 80 с.

ISBN 978-5-91627-039-6

© А. Горбунова, 2010
© Русский Гулливер, 2010
© Центр современной литературы, 2010

5

Алла Горбунова родилась в Ленинграде в 1985 г. Окончила философский факультет Санкт-Петербургского Государственного Университета. Лауреат премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2005 г.). Автор книги стихов «Первая любовь, мать ада» (2008 г.)

ГЕНЗЕЛЬ И ГРЕТЕЛЬ НА ПОРОГЕ ДОМИКА

(некоторые непосредственные впечатления от явления Аллы Горбуновой)

...А как еще можно было бы назвать заметку о книге стихов, одно из первых стихотворений которой называется «Возвращение (королева гороха)»?

Здесь пахнет чем-то странно знакомым.
Чем-то? да это же пахнет домом!
— бледно-зелёными с жёлтым
ромбами, выцветшими на обоях
давным-давно.

И что, эти крупные грозди
цветов или ящериц, и лицо
одугловатой королевы гороха
нарисованы здесь
в самом деле?

Я их видела в детской постели,
а они по-прежнему здесь,
никуда не делись.

Слушай—послушай,
вспомнишь, забудешь, вспомнишь
всё, что случилось с тобою.

*Каким тёплым, знакомым сразу веет!.. каким тонким, звёздным,
детским...*

Но — последняя строка настораживает:

А к чёрту, а всё равно.

*— и, насторожив, не обманывает (как в падении, в уханы вниз,
сжимается сердце-вещун: так я и знал!...): надкуси-ка редисочку,
помидорку, лакированный, полный — казалось бы — спелого солнца
стручок с этой грядки — и брызнет кровь:*

Я — мёртвый ребёнок, оставшийся дома,
пока ты росла, я не рос,
но королева гороха вырастила
огород из моих сухих слёз:
помидоры, редиску, укроп и картофель
вырастила, и вот
я теперь для тебя вполне съедобен, -
открывай-ка пошире рот!
Тело моё как христово тело,
так что держай и ешь,
ибо в мёртвом ребёнке присутствует сила,
которую ты возьмёшь.
Горше печали, слаще надежды
вспомнишь ты мой обед,
когда ты вернёшься сюда однажды
и навсегда.

8 *«Королева гороха» — кто-то другой (Другой), та (тот), кото-
рая(ый) раздирает извне ногтями скорби плеву отъединенности, про-
буждает живую реакцию, обнажённую (есть в народе более точное
слово — «голимую») жизнь, отнимая, вроде бы, жизнь; и та (тот),
к кому — посыл, к кому — мольба, претензия, жалоба, зов — всё тот
же другой (Другой)...*

*Эммануэль Левинас в своём «Время и Другой» говорит так: «...Лишь
через страдание, через отношение со смертью съжившееся в сво-
ём одиночестве существо оказывается в области, где возможна
связь с другим». Новая книга стихов Аллы Горбуновой — видится
мне, об этом; нет, не так: эта книга, создание содержащихся в ней
стихотворений, — само это обретение связи с Другим (по крайней
мере, мучительные подступы к такому обретению).*

*Признаться, начать писать эту заметку мне было трудно: че-
ловек Алла Горбунова (в реальной жизни я видел ее два раза, и вре-
мя от времени встречаю в пространстве Живого Журнала) привела
меня в недоумение, с тем же привкусом нетерпения и досады, ка-
кой ощущают иные, вззирающие на кубик Рубика. Именно «взираю-
щие», я сам — из вззирающих на эту известную головоломку, не из
составляющих, никогда не мог собрать в цельности ни одной сто-
роны. Вроде всё просто: одна сторона — тоненькая изящная петер-
бургская девочка, умно молчаливая, любящая, конечно же, стихи и
красивые пейзажные фото (это только на первый взгляд, на вто-
рой — такое впечатление исчезает напрочь); другая сторона — ин-
фант террибль (сама Алла как-то в ЖЖ-разговоре обмолвилась о*

себе, — применительно к литературной среде, но не суть, — примерно так: я — рысь, меня плохо принимают, и я одна брожу по лесам. Вспомните рысь: как она неизящна! как невзрачна, усата, комковата! это вам не мультишная багира, никакой сексапильной нарочитости и грации напоказ! грация рыси — угловатая грация подростка, все подчинено обыденной реальной задаче: убить, чтобы как-то выжить, продолжать длить в чаще леса своё недоступное досужему взгляду натуралиста существование. Какова, говоря языком современной светской тусовки, гендерная ситуация рыси?... — то-то и оно: не поймёшь; о том, что лирический герой Горбуновой не девушка и не юноша, а «иной», написал автор рецензии на её книгу «Первая любовь, мать Ада», и вот он, образ Гензель и Гретель: это единственный ребенок, единственный страдающий, потерявшийся в чаще данности мира, ищущий Другого, человек, живущий внутри поэта); третья сторона кубика раскрашена в пандан второй, но как бы совсем другим цветом — поэт мощного дыхания, отточенного слога, прямой угловатой открытой ясной (вот сколько эпитетов приходит сразу!) огненной цветаевской потенции; если у кого при поминании Горбуновой возникает расхожий образ «петербургская поэзия», то уточню: да, петербургская по степени насыщенности поэтической культурой, но виньеток Росси, фонтанов Петергофа и туристического флера белых ночей вы в этих стихах не встретите — скорее, встретите силуэты заброшенных заводов Петроградской стороны, стены в гаффити, сырую нефть верфей —

летний обморочный город.
мой рай, райские птицы щебечут в твоих садах.
мимо депо и фабричных зданий
автобус въезжает в закат

дикие карельские буреломы —

череп лесной, оградённый хвоей,
с нетопырём, неясностью, змеёй

гол городских окраин —

распускает волосы какая-нибудь Катерина.
разжигают костры подростки, достают гитары.
подсаживаюсь, запеваю: «Афганистан, кровавый край...»

и везде, везде, на всех неведомых дорожках, увидите силуэт потерявшихся детей, Гензеля и Гретель, — они только что тут проходили, они ищут Другого, убегая, прячась — от кого?.. —

среди общей тишины я вижу на дачной аллее ребёнка ака подростка,
я вижу, как по белоснежной руке девственницы ползёт муравей.
мы играем в классики, делаем куколок из травы, пьём горькое молочко
одуванчиков, делаем бусы из красной рябины и черноплодки,

/ но я вижу, что за спиной девственницы притаилась старая-смерть-сама,
как за весной — через лето и осень — костлявую руку свою протянула зима /

И, наконец, четвертая грань: девушка-философ, в буквальном смысле — выпускница философского факультета Санкт-Петербургского университета; поверьте, она знает, что «Другой» — не только интимное имя Того, кого ищут в лесу ее Гензель и Гретель, но и, скажем, философская категория, и может профессионально оценить сказанное по поводу этой категории выдающимися мыслителями, от Платона до Библихина. К счастью, эта напитанность мировой культурой, в том числе культурой философской мысли, в стихах Горбуновой незаметна, никак не рекламирует себя, нигде не «торчит»; два варианта: либо стихи так мастерски изоощренно сделаны, что не видно швов — либо это свойство поэта, глубокая органичность музыки, свойство взгляда, крови, речи пишущего ; я лично склоняюсь ко второму варианту —

10

мальчик с ангелом в мраморных руинах,
вокруг пепелище мира лежит, как скатерть.
и мальчик отвечает: как найду и чего искать мне?
как собрать мне целое, большее, чем его части?
ангел отвечает: с хозяйкой льдов не вступай в поединок,
не составляй на зеркале разума фигуры из льдинок,
но заставь их танцевать, и ты выйдешь из-под её власти,
и льдинки сложатся в слово «вечность», разделив твоё счастье

Четыре грани кубика Рубика, вполне отчётливые и обусловленные, — но никак не сложить воедино, в один плоский понятный стереотипный цвет, хотя бы одну: грани переплетаются, взаимопроникают, составляют сложный четырёхмерный рисунок, дышащий в живом пространстве стиха, — мир души поэта, живой человеческий мир, не укладывающийся в прокрустовы ложа линейных определений...

Современные критики, кураторы российских поэтических процессов, то там, то сям восплакивают: как много ныне в России стихов — но где поэты!... где то, о чем сказано: «дышит почва и судьба», где личности, где живая кровь, которой кто-нибудь бы да распла-

тился бы за вещество стиха!... Да ладно тебе, друже мой критик. Из века в век — поэзия жива, в России по крайней мере — уж точно, потому что живы — поэты, и кровь-строительница хлещет в их стихе скрепляющим времена и смыслы веществом: книга стихов Аллы Горбуновой тому доказательство, прииди и виждь.

...В подобного рода заметках как-то так принято — обильно уснащать текст цитатами из сборника; вот уж чего не хотелось бы мне делать: перед вами — книга стихов, читайте — стихами всё сказано!... Но, грешник, всё же не удержусь, чтоб не процитировать еще одно стихотворение Аллы Горбуновой, причем — почти целиком:

*** (апокалипсис)

апокалипсис в русских полях.
на горизонте гнева —
обещанье Рая.
— Царствие Небесное человек способен
на земле построить,
в русском поле,
на русской земле, — сказал безумец.
в поле цветущей гречихи
упало зерно слов безумца
и умерло, и воскресло, и принесло плоды.
мы — гречиха, овёс, рожь и пшеница,
в стрелах наших колосьев звенят тишина и ветер,
ржаные корольки и полёвки — братья наши и сестры.
благословенны комбайны и зерноуборочные машины!
мы — апостолы новой земли и нового неба,
наши тела наполовину из железа, наполовину из хлеба,
мы — дети Толстого, Достоевского, дети причастия и анафемы,
но сами того не знаем,
и каждый из нас отрекался от образа и от Рая.
мы — революционеры, с нами — крестьянин, рабочий и
медведь-молотобоец.
мы — сновидение Николая Фёдорова, сновидение России о России.
мы — сыны погибели, обречённые, проклятые,
капли дождя, которые плоть её возлюбленную оросили,
капли крови, которой оплачена эта шестая мира на карте,
капли пота, которым пропитано это бесконечное поле пахоты.
мы — христиане.
вы не видели таких христиан.
мы — коммунисты.
мы вышли из сектантских радений, скопчества и хлыстовства.

— в Царствие Божие человек должен
войти не один,
а всей деревней,
всей русской землёй,
всем миром, — сказал безумец.
мы любим друг друга.
вы не видели такой любви.
мы — братья.
мы — воины в тысячелетнем походе сил света против сил тьмы.
в бедре брата моего и горле сестры моей —
наконечник стрелы.
мы умираем за правду.
(как больно, участвуя в Битве Судьбы, которой не избежать,
понять, что силы тьмы — это ты и есть!
с кем я? кто я? неужели я — это тьма?..) —
но в этой битве — так ли важно, кто за кого,
как на любой войне,
ослепительна тьма,
тёмен свет,
когда сливаются тело и тело, жизнь и смерть, стон и хрип,
сабли травы вонзаются в плоть взмыленного коня,
и атеисты вспоминают про Бога,
и молится снайпер перед тем, как спустить курок,
и нательный крестик кладёт себе под язык,
и нажимает, и — попадает в цель.
(и ангел-хранитель похлопывает его по плечу.
это как в детстве: ребёнок играет в дартс.
попал — и ему говорят: молодец, зачёт.
попал, и ещё попал, молодец, удар).

Ого себе, подумал я, прочтя! вот так кубик Рубика, — сколько же в нём граней!..

Читая это стихотворение, так и видел я пред глазами — посты разных витий из Живого Журнала, историософские, религиозные, политические и пр.; отдельные словоблоки приведённого стиха — почти банальны, узнаваемы с первого раза, типичны для тех или иных сторон громокипящих интернет-споров; русские мальчишки-девочки по-прежнему несут неусыпающий караул у дискуссионных столов в подпольных медийных пивных, для бесконечный полилог: как России быть? кто мы есть откуда пошли и камо грядём?... И вот из этих, так сказать, заголовков передовиц — составлен приведённый стих. Ни одного неузнаваемого слова, ни одной ранее неназванной мысли. Да, всё это — штампы, сиречь — плотные пробки, тромбы.

Это — камни преткновения в кровеносной системе поэта, без свободного тока крови в которой он не может жить, не может дышать... И поэт, отчаянно болеющий — своим прошлым и предстоящим, своей собственной историей как спрессованной массой сиоминутных человеческих ситуаций, полувслепую нашаривающий общечеловеческие и общероссийские корни своих метастаз, нащупывает, диагностирует, бесстрастно определяет эти тромбы — и выталкивает их вон, омывая их горячим током своего выстраданного поэзиса... «Да! скажете вы. Гражданская поэзия, мы понимаем!...но — не женское это дело... а им дано гадая умереть...» — простите, вы упустили из виду вышесказанное: рысь, неловкая смертоносная рысь. Как дышит, так и пишет, — попробуй оспорь.

...А Гензель и Гретель — идёт (именно так — «идёт»), в поисках Другого, того, о ком помянутый нами Левинас спросил: «Кто обнаруживает себя под именем «быть»?».

И, мнится мне, прочтя до конца книгу стихов Аллы Горбуновой, мы видим ищущего — уже на пороге. На пороге того самого сказочного домика; и этот ход сюжета всем знаком, — знаком, да... как сказать.

Я, например, вижу ищущего Аллы Горбуновой не вне, а внутри домика; на пороге — но с той стороны: стоит толкнуть дверь — и он окажется не в объятьях пожилой выжившей из ума ведьмы, но — на свободе.

Дверь ведет не внутрь, но — наружу, прочь из Платоновой пещеры; к Другому — Тому, Кто любит и ждёт нас; и — верю — дождётся.

Сергей Круглов

***

Я лист взяла,
но руку
мне судорогой вдруг свело,
и кто-то говорит:
забудь свою науку.
Вот этот лист —
но этот лист
на самом деле лист?
Он — время, свет, вода,
кора и целлюлоза,
сегодня он зола,
а завтра он стекло,
младенец он, и агнец, и телец,
tabula rasa, медь
и мягкий лён.
Смотри, листу
на твоём письменном столе,
легче сгореть,
чем быть определённым.

И вспыхнул, и исчез.

ОГОРОДНАЯ ПЕСНЬ

ВОЗВРАЩЕНИЕ (КОРОЛЕВА ГОРОХА)

1

Здесь пахнет чем-то странно знакомым.
Чем-то? да это же пахнет домом!
— бледно-зелёными с жёлтым
ромбами, выцветшими на обоях
давным-давно.

И что, эти крупные грозди
цветов или ящериц, и лицо
одутловатой королевы гороха
нарисованы здесь
в самом деле?

Я их видела в детской постели,
а они по-прежнему здесь,
никуда не делись.

Слушай—послушай,
вспомнишь, забудешь, вспомнишь
всё, что случилось с тобою.

А к чёрту, а всё равно.

2

Пленница детских комнат,
засыпай, не знай и не помни:

тебя никогда не звали, не гнали,
не били, не любили, не хотели,
не трогали, не прятали, не искали,
не видели, не слышали и не знали,
а потому засыпай — никто не укусит с краю.

плести себя из нитей и волокон,
и убивать прекрасную корову
и курицу прекрасную. Так плоть
питается,

но сокол
расклёвывает клеть.

***

Чучелко, чучелко —
палка и пальто,
сойки со смеху упали,
землянику поклевали,
но берёзовый обтёсок —
очень страшный отморозок
по имени Бука
их напугал зато.
Но они потом прилетели снова,
ведь надо
землянику кому-то клевать
из сада,
поросшего былью,
то есть тем, что растёт само:
быль-то сорняк,
это сказочку надо придумать,
а быль
нарастёт кое-как,
словно пыль
на вещах,
ведь быль это: боль,
папоротник, звездчатка,
жёлтая плёнка в ржавой бочке,
разрастающиеся деревья,
бледный мох на пальто у пугало,
обтёсок Бука, ставший трухой,
а сойки клюют одичалую землянику,
как будто время
растворяет землю
безмятежной
рукой.

ОГОРОДНАЯ ПЕСНЬ

— Огородники, дачники, садоводы, пахари, оратаи, крестьяне,
берите лопаты и вёдра, идите на нашего брата,
копайте для супа, и заготовок зимних, и торговли на рынке,
и ты, бабка, продашь нас и купишь бутылку водки,
а мамаша поджарит нас на сковородке, ибо
новая осень приходит, и время страды:
мы созрели и плоды наши от земли и съедобны,
новая осень приходит, и новое время,
да будет же оно добрым.

Дух картофеля ночью гулял на картофельном поле
и видел: раскинулась ботва на четыре стороны ветра,
а в земле картофель глядел молодыми очами,
и на всех огородах устроили бал прощанья,
осени и последних плодов, выращенных человеком,
а в Новом Свете генетически модифицированная соя
знала: пришло её царство, и плавится пластик,
новая осень приходит, и новое время,
и это последний праздник.

Но старые добрые овощи: кабачок кабацкий, огурец-молодец,
крепкая репка и славная брюква, и огородники, фермеры,
старики и старухи старой земли и последние гномы
водили хороводы среди грядок, от корнеплодов добрых
опустевших и голых: земля отдала всё, что было,
все соки свои и хлеба, всю любовь и силы,
и целовались прощально в пляске лопат и вёдр
кабачок, огурец, репка и славная брюква,
Матфей, Иоанн и Пётр.

СОНАТА ИЗ КОНСЕРВНОЙ БАНКИ

1

господи, взываю к тебе из консервной банки:
*вели ей жезлом аароновым расцвести -
садами в жестяных лучах и клёнах.*

— я и сам жестяной,
и все вокруг жестяные клоуны,
в общем дела у меня примерно, как в танке,
то есть в консервной банке,
одним словом —
жесть.

гадал я и думал глупую нервную думу:
изнутри иль извне,
извне иль изнутри,
так ничего не понял.
серебряная рыбка умерла да и не воскресла.
должен я додумать проклятую думу,
чтобы больше никто не умер, а, кажется, не успею.

20

ах вы такие-сякие жестяные клоуны,
что вы мешаєте мне делать мою работу
огненную, мою работу
истинную, мою работу
единственную!

но то, что вы вытворяете, механические барабашки,
кончится с великим открытием открывашки!

2

де профундис, как говорят, если ты
в консервной банке нюхашь жестяные цветы, —
это как нюхать цветы в противогазе,
как говорят в спецназе.

но когда к жестяным клоунам
нисходит Мария

и проходит меж них, наставляя ружьё, —
я первый, кто
    подойдёт под выстрел.

играешь Ты в кости и держишь пари
с чёртом-жестянщиком, ушлой свиньёй,
что в последний момент перед спуском курка
с ухмылкой закинет меня на выскирь.

3

господи, взываю к тебе из консервной банки:
вели псалмом давидовым ей цвесть —
мольбой и песнью.

— и Твоим ножом
открой её,
    и жестяную острую корону
сними с меня,
и замени шарниры
на сухожилия.
    блажен,
кто видит в банке раны ножевые,
но и от банки —
    рану на ноже.

***

Сосуд тумана и стекла —
прозрачна в сумерках земля.
Она - эпическая песнь
индейцев, предков, облаков
во время оно, время родов
горных пород и русел рек,
когда вода свой путь торила
внутри пещер и ледников

и выходила, обрываясь
с высоких скал, когда вулканы
вскипали лавой, и горели
большие трещины в земле,
во время оно, время родов
пустынь и моря, человек
мог стать звездой или травой
и обратиться в игуану.

Во время оно, когда боги
сражались, время сыновей
встававших на отцов, готовых
пожрать рождённое дитя,
когда на смену скудным травам
и камню появился лес
из можжевельника и граба,
полный невидимых зверей

и насекомых, где на ели
клёст вышелушивает семя
из шишки маленькой, где много
ником не узнанных растений,
во время оно, время первых
на побережьях поселений,
когда священную лосиху
тотемом избирало племя,

во время оно, когда царство
земли в той песне трав и звёзд

творилось каждым новым певчим
из сновидений и сказаний,
когда песнь-папоротник
и песнь-чёрный дрозд
впелись впервые
в песнь мироздания,

тогда просило царство, чтобы
его Царя назвали имя.
Но говорят, что песнь сейчас
тверда, как лава, что остынет,
извергнувшись. Песнь стала персть
и кость, отбив во время оно.
Отбив? — но песнь звучит и днесь,
и Царь ждёт имени и трона.

***

радуга, запечатлённая на асфальте
в лужах бензина,
попевка трамвая,

в грязном снегу —
ледяная,
лубяная отчизна моя.

в соли, просыпанной в снег,
в просветлении редком
помраченного града

улыбается детски
больная отчизна моя.

кошки, закатные кошки,
мяучат, как мучат, — что молвят?

о, эти шины и сапоги,
тротуары и трассы, развязки,
дорожные щиты, магазины-ангары, автозаправки!

это мистерия города,
гул в проводах окраин.

троллейбусы и такси,
бутики и кофейни,
метрополитен, — бесконечное мельтешенье!

смертельно-прекрасен,
неповторим
хрустальный сиреневый дым.

и горечь сигареты на губах
слизав, я поскользнулся на путях
трамвайных.

мне хотелось, что я жив
вкусить сколь было сил,
и я губу до крови закусил,
окурком руку, зубы сжав, прижѐг,

но было мало, я хотел
взять больше, чем я мог

сквозистой силы, ветра, голосов
о чём-то, с хрипотцой,
лежать на рельсах, запрокинув голову,
вдвоём с тобой,

в прусской военной рубашке из сэконд-хэнда,
(обязательно в ней!),
но горечь на губах
не тронет иней:
это весна! —

весна! весна!
так херувимы поют.
весна красна! —
так невесомо-серьёзно!
как белый мёд,
как материны слёзы, —
светло льётся в отчизну мою.

Фронтовой лес

линия электропередач.
провода, полные невидимого огня.
просека, стрёкот, пеньё кукушки. долгая-долгая даль.

первые цветы у заброшенных пионерлагерей.
окопное лоно — мокрый песчаный ров.

о, это война, без обиняков, это любовь.

весна, велосипед, —

мальчик крутит педали, мелькает ретро XX век.
тиран сменяет царя. штурмом берут Берлин.
вводят войска в Афган. вводят войска в Чечню.

велосипед недвижим.

26

но всё та же земля, как будто не было
никакой войны, и как всегда предвоенно —
просека, стрёкот, пеньё кукушки. горькая-горькая быть.

Про сынов страны

где сыны твои? — полегли костями.
душу кто отдаст, вскормит мясом своим?
где мужья твои? — полегли костями.
где такая страсть посередь земли?

погоди, страна, в лесу — война, налево пойдёшь —
сама пропадёшь, и направо пойдёшь — пропадёшь.
не ходи ни к зверям, ни к егерям, не ходи куда ни пойдёшь.

звери тебя разорвут, расстреляют тебя егеря,
будет молчать голос барда лесов и трав,
будет молчать и кровь, и упавшая в озеро ночью
кубышка, звезда лугов, позабудет горчить,
и когда над полями, лесами, морями заря
займётся, то кто сумеет тебя лечить?

вот сыны твои без души глядят,
и мужья твои твою плоть едят:
одари рублём, напои, накорми,
а не можешь — так полегай костями!

*** (нарния)

*...Где вода морская не солона,
Вот там, мой дружок,
Найдёшь ты Восток,
Самый восточный Восток.*

28

серебробородый старик, одетый в серебряное руно, волосами касаясь земли, пел утреннюю песню, запомнить её не смогли, но было почти всё равно. восходя, пробежало по каменным креслам спящих лордов и каменному ножу непомерно крупное солнце, белоснежные птицы спорхнули из его раскроённого сердца клевать виноград, абрикосы, гранаты на трапезе каменного стола, и одна из них в клюве огненную ягоду для старика принесла. старик — звезда, с каждой ягодой он молодеет, покуда не станет младенцем и снова взойдёт с восточного края земли, где самые воды светлеют, и проходит начало дороги новорождённых звёзд, ибо здесь начинается край света, последнее море, где самые воды светлеют, как жидкое солнце, и крепче вина, в них нет больше соли, и жителей моря страна в башнях и шпилях, в ста футах от килиа в хрустальном подводном просторе видна. ибо здесь начинается край света, последнее море, где все руки и лица начинают светиться, блестят глаза, даже гафельный парус блестит, как стеклярус — рассыпанный морем и ветром на палубе и парусах. это плавание уже за пределами мира, в озере лилий, в благоуханье прохлады чуть тронутых золотом, между лодкой и небом — мерцающая стена это или радужная волна, словно край водопада, стоит горизонтом. и за волной и солнцем — музыка, как сквозь дверцу из страны за Краем Света, на мгновение и навсегда, совсем не печальная, но разрывается сердце. прощай, Нарния! мы идём вброд, и всё мельче вода...

***

мозаика на витраже соберётся в заповеданный образ господень,
и танцующие льдинки сложатся в слово «вечность»,
ты снова видишь: мальчик и ангел ведут беседу.
мир, — говорит ангел, — упавшая с неба и разбившаяся
хрустальная чаша,
собери её в сердце своём, и будешь свободен,
ведь и сам ты — узор на чаше, небесный початок,
в момент крещения скреплённый Его печатью.

мальчик с ангелом в мраморных руинах,
вокруг пепелище мира лежит, как скатерть.
и мальчик отвечает: как найду и чего искать мне?
как собрать мне целое, большее, чем его части?
ангел отвечает: с хозяйкой льдов не вступай в поединок,
не составляй на зеркале разума фигуры из льдинок,
но заставь их танцевать, и ты выйдешь из-под её власти,
и льдинки сложатся в слово «вечность», разделив твоё счастье,

ангел отвечает: стучись — и отворят, ищи — и обрящешь,
ибо что хочешь, то и получишь, ни больше, ни меньше,
посему желай волей Господа и собирай крупичицы:
вытряхивай из рукавицы, вылущивай с-под половицы,
из каждого мужчины и каждой женщины доставай их,
из впечатлений, прикосновений, воспоминаний,
из каждого слова прочитанной книги, подслушанной речи,
из того, что ты любишь, что врачует тебя и калечит,
ибо и стебель, и зверь, и звезда есть крупичица божественной чаши,
которые ты соберёшь и воедино склеишь,
и если не сделаешь это — хуже, чем если погибнешь,
а сделаешь — и никогда об этом не пожалеешь.

/ангел говорит: мать твою, парень, ты меня понял?/

маленькая сестрёнка мальчика идёт через выжженную чащу
рядом с братом, через пустыню мира, совсем босая,
крошка герда, гретель или навсикая
из долины ветров — история вечно одна и та же.
вокруг мутанты, мёртвая техника, чудовищные растения,

отравленная вода.

мальчик не помнит, откуда он и что говорил ему ангел,
мальчик не помнит ни про крещение, ни про чашу,
но чувствует, что есть нечто самое важное,
что он должен сделать на свете, и девочка говорит ему:
я знаю, ты вспомнишь, ты обязательно вспомнишь,
и мы улетим отсюда навсегда!

***

брошенные дачки и участки
в заячьей капустке.
о, кто-там-смотрит-сквозь-ветки
в тюлевые занавески?

где в ставни стучится голодная навь,
замшелые камни, витые корни,
коринка цветёт, и собой, застонав,
хищная птица детёнышей кормит.

забытые вещи хранят поцелуи
рук животворящих на патине пыли
про то, как любили и как обманули,
про то, как хранили, а после забыли.

заветную сказку вещей отсыревших
впитали вагонка, времянки, сараи.
ребёнок, который построил скворечник,
глухим стариком умирает.

здесь — сумрак и свет, паутина и полдень,
патина, память, нечисть,
здесь, возвращаясь, поруку исполнит
моя соловьиная вечность.

новые дети играют в саду,
новые кости лежат на траве.
в чёрный черничник с корзинкой уйду,
счастье белое в ней унося,
как личинку свою муравей.

***

пруды на заросших участках в сплетенье ветвей.
ребёнок сидит на трухлявых мостках на болотце.
дивные девы с парнями дышат бензином, пьют водку и нюхают клей.
прокручивается лебёдка, ведро затонуло в колодце.

среди общей тишины я вижу на дачной аллее ребёнка ака подростка,
я вижу, как по белоснежной руке девственницы ползёт муравей.
мы играем в классики, делаем куколок из травы, пьём горькое молочко
одуванчиков, делаем бусы из красной рябины и черноплодки,

/ но я вижу, что за спиной девственницы притаилась старая-смерть-сама,
как за весной — через лето и осень — костлявую руку свою протянула зима /.

я детство своё ищу среди рухляди, ржавых замков, советских велосипедов,
в скрипе двери от раздевалки на пляже пустом, ведь оно —
облезлая краска, дырявые бочки, столько-то сантиметров
на дверном косяке, и в сосцах умывальников колодезное вино.

32

глухо молчат инструменты и вёдра в сарае,
но я вижу, как девственница в подвенечном уборе себя продаёт с лотка,
и ребёнок, к окошку прильнув в темноте, замирает,
когда с земли я камень поднимаю, с тем, чтобы бросить в стёкла чердака.

***

дикие гуси-лебеди вылетают от бабы Яги,
в сумеречном лесу заливаются соловьи,
так и ты меня береги,
как я верю в слова твои.

в непроглядном моём лесу разведём костёр,
гори-гори-ясно, гори дотла,
станет золой
        ствол, что срубил топор,
станет стеклом зола.

вот твоя рука и моя рука
переплелись у костра,
обожжены ледком топора,
цигаркою светлячка.

есть — ночь ночей, час часов, мир миров,
озеро, ветер, огонь,
вечность — на вкус как солёная кровь, —
кроме того — ничего.

ты и я, девятнадцать лет, Немецкая слобода.
то, что сегодня «история», вчера — просто дети играют.
Анхен, я любил тебя, да.
и во всём этом было столько того, что теперь называют драйвом,
море по колено, и ничего не слабо,
и когда мы с Лефортом оба тебя е**ли,
у меня к тебе, Анхен, крепче была любовь.
а в Летнем саду всё те же дубы — можно потрогать кору.
а внизу — я катался вчера весь день — чертоги метро.
в хрустальном и огненном свечении издалека вырастает Охта,
когда идёшь вдоль Невы до Смольного ввечеру.
а утром, Анхен, мы с тобой заснём в первых лучах на безлюдье
на пляже Петропавловки, укрывшись косухами, когда гитарист
рассвета
замолчит,
и Санкт-Петербург как на ладони в моей ладони,
в тумане рассветном, и твоя голова на моём плече.
возлюбленный мой город, мой сон, моя лучшая в мире игрушка,
я и во сне берегу тебя, словно святой Грааль,
мой парадис,
лучший, чем сам Версаль!
так любил тебя, Анхен, шлюшка,
я, корабельный плотник и русский царь.

***

пустыри у залива.

двое на крыше высотки
в мягком свете позднего солнца среди новостроек.

двое на крыше

вдыхают марихуану,

упоительную свободу,

юго-западный ветер с залива,

а внизу корабли городских окраин уходят в воду,
шевелиятся в песке пустыря консервные банки
рваные ботинки, пивные бутылки, презервативы.

ветер с залива треплет юноше длинные волосы,
красные пряди девушки не закрывают выбритые виски,
и всё, что внизу — рукой подать, над заливом садится солнце,
и нет ничего белее татуированной кожи

её обнажённой и полудетской руки.

36

двое на крыше — ангелы пустырей и новостроек,
канализации, свалок, помоек,
на сверкающих крыльях слетают с крыши
и исчезают в небе. и, далеки,
перекликаются огоньки
кораблей,

спят у мола чайки,

в норах — складские мыши,

и кораблям отвечают
радиомаяки.

***(*апокалипсис*)

апокалипсис в русских полях.
на горизонте гнева —
обещанье Рая.
— *Царствие Небесное человек способен
на земле построить,
в русском поле,
на русской земле,* — сказал безумец.
в поле цветущей гречихи
упало зерно слов безумца
и умерло, и воскресло, и принесло плоды.
мы — гречиха, овёс, рожь и пшеница,
в стрелах наших колосьев звенят тишина и ветер,
ржаные корольки и полёвки — братья наши и сестры.
благословенны комбайны и зерноуборочные машины!
мы — апостолы новой земли и нового неба,
наши тела наполовину из железа, наполовину из хлеба,
мы — дети Толстого, Достоевского, дети причастия и анафемы,
но сами того не знаем,
и каждый из нас отрекался от образа и от Рая.
мы — революционеры, с нами — крестьянин, рабочий
и медведь-молотобоец.
мы — сновидение Николая Фёдорова, сновидение России о России.
мы — сыны погибели, обречённые, проклятые,
капли дождя, которые плоть её возлюбленную оросили,
капли крови, которой оплачена эта шестая мира на карте,
капли пота, которым пропитано это бесконечное поле пахоты.
мы — христиане.
вы не видели таких христиан.
мы — коммунисты.
мы вышли из сектантских радений, скопчества и хлыстовства.
— *в Царствие Божие человек должен
войти не один,
а всей деревней,
всей русской землёй,
всем миром,* — сказал безумец.
мы любим друг друга.
вы не видели такой любви.
мы — братья.

мы — воины в тысячелетнем походе сил света против сил тьмы.
в бедре брата моего и горле сестры моей —
наконечник стрелы.
мы умираем за правду.
(как больно, участвуя в Битве Судьбы, которой не избежать,
понять, что силы тьмы — это ты и есть!
с кем я? кто я? неужели я — это тьма?..)
но в этой битве — так ли важно, кто за кого,
как на любой войне,
ослепительна тьма,
тёмен свет,
когда сливаются тело и тело, жизнь и смерть, стон и хрип,
сабли травы вонзаются в плоть взмыленного коня,
и атеисты вспоминают про Бога,
и молится снайпер перед тем, как спустить курок,
и натальный крестик кладёт себе под язык,
и нажимает, и — попадает в цель.
(и ангел-хранитель похлопывает его по плечу.
это как в детстве: ребёнок играет в дартс.
попал — и ему говорят: молодец, зачёт.
попал, и ещё попал, молодец, удар).
— неужели эта битва должна продолжаться вечно,
и одни всегда обречены на победу, а другие на поражение!
с тысячелетним самоотречением
строит мужик в русском поле невозможный рай на земле.
мы — новая Святая земля.
мы — староверы, мы бежим далеко на сибирские реки
и сжигаем себя избами и деревнями, включая старух и младенцев,
потому что нам уже никуда не деться,
потому что страной правит Антихрист — это любому ясно.
о, кто посмеет сказать, что жертва наша напрасна!
апокалипсис в русских полях
многие сотни лет.
мы — воины-пахари,
мы — Юрий Гагарин,
мы — мирный атом.
слово безумца стало для нас лекарством и ядом.
— *в Царствии Божием все равны,
воскресены, безгреховны, наги.
надо скрыть горы и засыпать овраги,*

не иметь ни детей, ни жены, —
сказал безумец.

мы — гречиха, овёс, рожь и пшеница,
плоть от плоти русского поля, тяготы и труда.
мы отдаём себя до последней крови
ради грядущего,
ради обещанной нови.

а если она, о, а если она не произойдёт никогда?

мы — герои Ордена Несказанного и Родного,
земной и небесной родины верные сыновья,
мы умерли, как Марк, Матфей, Иоанн, Лука,
как мальчиш-Кибальчиш, 26 бакинских комиссаров, Зина Портнова,
как тысячи тысяч русских людей, мы легли в эту землю,
потому что в последней битве мы были стороной обречённых,
это стало ясно слишком поздно.

мы, семена нового, погибли,

мы погибли,

так революция пожирает своих детей.

ведь это мы убили друг друга и сами себя,

когда Царствие Божие не наступило.

вы — это мы.

*** (дождь)

поёт вода и поёт земля.
чисты вода и земля,
и ноги босые в живородящей глине.
народилось лето, и утром нетрудным зазвенел рукомойник.
студёные воды бегут по размытой долине,
и, как женский кулон —
маленький сердолик, —
в центре круглой ладони полдневную каплю несёт люпин,
и под дождём склоняет голову, невелик,
сладкий клевер, и сжимает синий бутон
горный василёк на могиле кота, и листвой многослойной
перекрывает тропу к туалету начинающий цвести жасмин.

сирень почти отошла, на заброшенных грядках
сорные травы до неба:
дикая астра, сныть, чистотел.
синий, розовый, белый — люпины везде, и цветы земляники.
яблони дедушка не окопал,
и едва ли они захотят плодоносить,
но смородина и крыжовник дадут небольшой урожай.

смотри, лесное озеро в себя приемлет дождь, собой переполняясь,
и рыбка выбросилась с тем, чтоб умереть,
к моим рукам.
мелькнула искра — вспыхнул фейерверк.
однажды — через много-много лет — у водоёма где-нибудь на свете
я снова к мёртвой рыбке подойду:
я подойду, она махнёт хвостом и уплывёт,
и я пойму, что Бог меня простил,
и мир спасён,
и много-много лет для рыбки будут, как минутный сон.

мешается вода с землёй, смотри, и глина мокрая разбила
проезжие дороги для машин.
иди по ней,ними свои сандалиии — она чиста, она животворит.

так идёшь, босоногий, идёшь по шоссе в никуда,
мимо хоз.двора, в самый ливень, и вдаль, за стену дождя,
и дождь возвращает всё:
движение мотоцикла, аккорды гитары, Джона.
и ты счастлив-несчастлив идёшь, и не знаешь сам,
куда идёшь и зачем,
и тебе, как дождю, / ветру, орлу, сердцу девушки / , — нет закона.
и ты получеловек-полуглина-полувода.

***

Белая белена, чёрная белена (куриная слепота), мандрагора, белладонна, красавка. Ягоды красавки похожи на дикую вишню. Её, сладко-кислую, с фиолетовым соком, жуют упыри Карпат и Молдавии. Вишня злых духов, семя повешенных. У настоящей красавицы должны быть расширенные зрачки, — говорила Белла, моя прабабушка, Белла-донна, — расширенные зрачки и мраморная кожа. *Atropa belladonna*, *Atropa mandragora*, она содержит атропин, алкалоид богини подземного мира Атропы, безжалостно перерезающей нить человеческой жизни на прялке своих сестёр. На Руси порошок белены смешивали с кровью зайца и зашивали в шкуру того же самого зайца, и к той поляне, где клали белену в заячьей шкуре, приходили все зайцы из леса и плакали. Белена, белла, било. Било, агиосидерон, доска, клепало. В него ударили колотушкой в монастырских церквах. Било было в Царьграде во святой Софии, по Ангелову учению. Било у старообрядцев; частое у Аввакума слово «блядь», ложь. Всяк человек ложь, всяк человек блядь. Белла, белена, блядь, блуд, било, быть, боль. Н. Бл.

***

как рассказать бесконечную сказку белого света
(жили-были Каин и Авель...)
нет таких правил
в ангельском стихосложении
и в учебнике у Холшевникова,
как претворить
        сказку, рассказанную плохим поэтом,
в Сказку, рассказанную Настоящим Волшебником.

***

рельсы-рельсы шпалы-шпалы
белый свет — цветочек алый
воздух, бездна, высота
в каменных бойницах небо
замурованные двери
там, где скальные тоннели.
что за хмели-повители
в этих брошенных местах!
балконы, окна, галереи
железнодорожных арок,
железнодорожный мост,
чайки, камень, ржа.
старая одноколейка
дореволюционная,
и дрезина, словно время,
укусив себя за хвост,
то туда, а то обратно
ездит, дребезжа.

Луна

(я хочу! я хочу!)

она торчит, как тыблоко на ветке.
я табуретку ставлю на кровать.
она старуха, девственница, мать.
я ставлю унитаз на табуретку.
она эс, эр, с, р, голландский сыр.
теперь на унитаз ребром монетку,
а на монетку — необъятный мир:
на позвонках-ступеньках вещь за вещью
как держится, вцепившись в чепуху,
по прихоти моей и воле вящей,
что я хочу! хочу! хочу! хочу!

***

брат и сестра

летят над страной прекрасной.
сестра была девкой гуляющей и заразной,
а старший брат с незнакомцем с бровью собольей
сплясал в день Егорьев, вернулся и сделался болен.

летят, истекают кровью, но веселятся,
плывут средь атоллов, поют:
о, страна, о, прекрасное тело,
трудно раненому красотой твоей любоваться,
трудно блуднице больше не отдаваться,
лицу светиться, рукам светиться,
и не сорваться, —
но мы никогда
не сорвёмся
сорвёмся
а, может быть, да,
а, может быть, нет,
но это не ваше
ваше
не ваше
дело.

***

В талом копытце
пѣт воду сорока.

Спархивает колокольцем восторга
на дно колодца:

«взлетая, тону, взлетаю или тону,
как камень или косы,
жестяное ведро,
кто мне скажет из тех, кто за меня не умрёт,
за меня не убьёт...»

***

Синий цветок видит свои миры,
новогодний петух без головы горит,
в избушке на курьих ножках теплится свет.
В тусклом светильнике мерной игры
рыба-меч с рыбой-месяц в стекле говорит,
и спящий под пледом согрет.
Кто это? ребёнок? дева? или полночный гость?
Если последний, то он пришёл — для чего?
Если спящая дева — чудесным огнём горит.
Если ребёнок — господь средь творений своих
спит, умирая в них.

По закрытым глазам проведёт лапкой плюшевый кот.
Дитя взрослым проснётся и больше кота не найдёт,
но найдёт рядом деву, что дивным огнём горит,
и полюбит её в совершенстве творений своих,
и заснёт, умирая в них.

А проснётся — и девы не будет, но только смерть,
а до детства рукой подать, головой повесть,
и цветку не отцвести,
петуху не успеть догореть,
а в избушке на курьих ножках теплится свет.

ГОРОДА

ГОРОДА: ПЕРЕЧЕНЬ

города игрушечные, сделанные из картона, с пёстрыми башенками и маленькими фигурками, лица которых нельзя различить, города-декорации для театральных подмостков, неизменно яркие, города нарисованные от начала до конца и размещённые в одном итальянском парке, города, существующие только в языке, потому что только в мерцании слов и вязи предложений создаются их эфемерные тела, и, будь они представлены любым другим образом, это было бы уже не то, города желанные и ненавистные, воображаемые, созданные одним человеком на болотах ингерманландии, рай, гелиополис и метрополис, мультяшные города — смешные советские, сновидческие японские, кукольные средневековые города, где жил смелый портняжка, убивший семерых, города, где никто не живёт, разрушенные атомной бомбой, хиросима и нагасаки, города, опустевшие от взрыва на атомной электростанции, чернобыль, города, где жили мои предки: петропавловск, тула, вятка, пермь, только под вяткой и пермью были всё-таки деревни, красноярск, где вырос денис, неведомые города, расположенные внутри организмов с чудовищными фабриками в животах, красные города во рту, на языке, подёрнутом налётом смога, отделяющим их от красного неба-нёба, города в городах, города, на которые мне наплевать, — и это все города, новый иерусалим, наконец, и город-сам-по-себе, не имеющий имени и не мыслимый ни одним живым существом — нет никаких городов.

49

МАЙЯ¹

загадка одного из древних владык майя выбита в камне на статуе чудовищного божества в руинах древнего города: мы брат и сестра, смотрящие сны в солнечном городе майя, мы сходили вниз, ниже норы опоссума, мы сходили к подземным богам, но боги забрали мою сестру в страну, где рождаются сны, она была моей первой любимой женой, я правил этим городом тысячи лет

¹ Данная миниатюра не имеет отношения к реальной мифологии майя; в основу её, как и следующей, легли сюжеты и образы сновидений.

назад, — написано на каменной статуе в городе майя, — но если чудовищный бог с именем, которое не изречь, пожрёт чьи сны и слова, то есть чью душу, тот ходит, ест и спит, но остаётся мёртв. я пошёл в темноту искать сестру, видел поле, засеянное черепами, и в каждом была змея и шипела мне «отступись», видел лес из человеческих костей, и за каждым костяным деревом скрывалось по ягуару и шипели мне «отступись», но я пошёл и пришёл в пещеры, где мерцающие камни разливают тусклую голубизну, и нетопыри и скорпионы пещеры говорили мне “отступись”, и я пришёл к богам: боги, отдайте мою сестру. и сказали боги, что надо мне подождать: чудовищный бог с именем, которое не изречь, должен пожрать сны её и слова, после она может идти со мной. но я нашёл её, засунул руку в неё по локоть, достал сияющий уголь и проглотил его — это были сны её и слова. я проснулся во дворце своём и сестра моя была со мной, мы, брат и сестра, смотрящие сны в солнечном городе майя, но правда ли — что я есть чудовищный бог с именем, которое не изречь, пожирающий сны и слова, которому обещана была сестра моя и досталась?

50

БЛИЗНЕЦЫ

отец и его сыновья жили на катере среди воды. приблизились к ним воины царя деревянного острова среди воды. и один из сыновей старика пошёл с ними воевать: день и ночь воевал он у деревянного острова с царём деревянного острова, и забыл отца своего и братьев, год за годом сражался он в воде по колено, по пояс, по грудь, когда воины царя деревянного острова его оттесняли дальше в воду. деревянный меч его сгнил, но сгнил и меч царя деревянного острова, устали воины царя или погибли, а царь деревянного острова и сын старика дрались друг с другом врукопашную на мелководье в мокрых рубахах, и не осталось сил ни у того, ни у другого, роняли они друг друга в воду, пьянели от крови друг друга, пачкались в песке, а на все края горизонта была вода, и едва заметен вдали был катер старика, дрались они год за годом, проголодавшись, заглатывали мелкую живую рыбёшку. и царь деревянного острова отрубил сыну старика мизинец и съел его, а сын старика выдал у царя деревянного острова глаз и выпил его. когда сын старика ушёл воевать, он был ещё ребёнком, — так он и вырос, не видя ничего, кроме царя

деревянного острова, воды, альбатросов и бакланов. но вот царь деревянного острова ударил его по голове старым веслом, и сын старика потерял сознание, а, когда очнулся, увидел братьев своих, приплывших за ним на лодке. и они отвезли его на катер к старику, но сын старика ушёл от них, и они не могли его удержать. отец и братья его уничтожили лодку, чтоб он не мог уплыть, но он пошёл ногами по дну и вернулся к царю деревянного острова, потому что полюбил его, и царь деревянного острова полюбил его, и они легли, вложив руку в руку и уста в уста, и вода качала деревянный остров, как сумку в животе кенгуру, как отданную во владение дерущимся близнецам материнскую матку, где жили они и умерли в один день. и они были ещё слишком мало похожи на детей, какие-то сгустки. потом вода выкинула их на берег.

ДАЧНЫЕ ДОМА. УЛИЦА ВЕЧНАЯ

улица Вечная, 1

половина Макаровых:

каменная плитка
    теряется от калитки,
у забора налитая
    клонится черноплодка,
окна в картоне,
лесенка к самой трубе.
здесь жила моя лучшая в мире подружка
Анечка маленькая,
а потом её дедушка
всё испортил —
развёлся с бабушкой
и женился на дамочке,
которая не пускала на дачу Анечку.

52

половина Кораблёвых:

подвески рябины, спелый шиповник,
слива, яблони, парники.
хозяйка Елена — исправный садовник —
разбила в саду цветники.

старый хозяин, 86 лет,
от дел отошёл, старикам не след
трудиться на грядках, когда невмочь —
теперь хозяйствует его дочь.

вот - перевёрнутое ведёрко,
тряпки, мельница, помидорка.
младшая дочь хозяйки Наталья —
    сама по себе,
а у старшей Анны ветер гулял в голове:

ветр-вертопрах, мужички, курорты, латина,
кружит-кружит, ничего глубокого, всё девичье,
но в махаон-океан — в чёрной бабочки безразличье —
уплыло, танцую грязные танцы, на льдине.

как красив родной сад в наступающем сентябре,
не увидит Анна в своём подмосковном монастыре.

улица Вечная, 2

...вот сосновая хвоя и ландыши пожелтели...
...неокрашенный дом деревянного цвета среди света
колеблющегося, и подвешенные качели
между сосен слегка покачиваются от ветра.

...тропка идёт вдоль веранды, пустуют большие окна,
и то, на втором этаже, что разбито и что забито.
нет ни грядки, дубок сплетается с черноплодной
рябиной в безвременье сада вовне событий.

53

улица Вечная, 2а

добротный дом — надёжный тыл,
клубники листья покраснели,
стоят на жёрдочках цветы —
садовые Офелии.

багров крыжовник, столик крив
с клеенкой, рваной на углу.
иди со мной, сюда смотри, —
я сосны и сирень люблю.

вот тряпка грязная на пне,
ванночка шифером накрыта, —
какая это ванночка?
садовое корыто!

садовая перчатка, глянь,
висит, забытая на крае,
а в кучу сложенная дрянь
лежит, как куча всякой дряни.

вот снова столик, снова крив,
и по углам прижали камни
клеёнку, срамоту прикрыв;
за ним сарай, закрыты ставни,

свисает с крыши паутина,
стоит стремянка у стены,
покрыты полиэтиленом,
кастрюли ржавые видны,

какие-то мешки большие,
и перевёрнут старый таз.
роскошные цветы — чужие,
и в этот дом не пустят нас.

улица Вечная, 3

Здесь на две семьи был дом,
сделалась беда:
дом сгорел — виновны в том,
что ли, провода.

Беленькая Женечка
с бабушкой жила,
нас как старших девочек
всё играть звала.

А вдруг она же, пьяная,
другим злосчастливым летом
заснула, окаянная,
не бросив сигарету?

улица Вечная, 3а

дом Беляевых:

лесной орех и яблонь шквал,
куст жимолости и скамья,
где дряхлый Надькин дед дремал.
увы, уменьшилась семья:

дед умер, умер и отец,
прибавился гражданский муж
уж пять берёзовых колец
тому назад, и сельских груш

уже давно объелся муж,
и я могу сказать ему:
я Надьку так люблю саму,
как будто мы прошли войну.

я к матери её на днях
зайду, спрошу об их делах, —
ан Надька в пепельных кудрях
въезжает в сад на Жигулях!

55

улица Вечная, 4

и я не узнаю, кто забрасывал мяч в баскетбольную корзину,
какая дурная хозяйка выбрала этот ядовитый малиновый цвет для дома.
сосны и берёзы стоят по углам почти ровной лужайки.
здесь нет ничего и никого для меня.
(только, может быть, красный и зелёный вьюн, свисающий над верандой,
маленькая куча гнилых растений, сухих трав, сломанных сосновых веток,
полное ведро под водостоком с крыши,
бельевая верёвка между сосен — на ней прищепки и старые тряпки,
она должна качаться в грозу,
когда в доме включён свет, тусклый
от перепадов напряжения в сети,
старики пьют чай на веранде, и от них так далёк тот
«сумасшедший рокер»,
кто в эту грозу разобьётся
и о ком заплачет их внучка).

улица Вечная, 6

дом Поповых:

...цвет кустов салата, мелких яблочек,
цвет крыжовенный и покрасневших листьев «Виктории»,
песочница, полная разнообразных формочек,
и гамак между сосен наводит недолгую дрёму.

вовне деревянного сада, деревянного дома
новые дети играют, новые кости сгорают в костре.
время теперь Владиславе, младшей сестре,
смотреть на кого-то зрачков
расширенной белладонной.

улица Вечная, 7

«мама анархия», —
написал дерзким тоном
на гараже тот, кто ставит теперь иномарку,
став офисным скользким планктоном
на лестнице длинной Ламарка.

его, слугу всемирного Дракона,
должна отправить на хер я:
ведь не жалеет их,
подавшихся архонам,
мама АНАРХИЯ!

улица Вечная, 8

дом Остапкевичей:

*зелено вино, молодо вино, поспели яблоки молодильные.
сливы зелены, алы ягоды, никого в саду, кроме птиц лесных.
здесь жили две сестры пригожих пожилых:
почила Маргарита Николаевна,
не ездит больше Нелли Николаевна, —
и нет на даче никого из них.*

*зелено вино, молодо вино, поспели яблоки молодильные.
сливы зелены, алы ягоды, никого в саду, кроме птиц лесных.
хозяйские внук и внучка в моей памяти в детском теле:
он ещё не женат на сучке, она ещё*
        не играет на виолончели,
а только всегда откликается грубо
        на бабушкино «Люба! Люба!», —
и нет на даче никого из них.

*зелено вино, молодо вино, поспели яблоки молодильные.
сливы зелены, алы ягоды, никого в саду, кроме птиц лесных.
жили здесь коты — белый Пуша и толстая Мурка, —
как меховой мешок, лесного окраса шкурка.
жили в довольстве и счастье,
        похоронены на участке, —
*и нет на даче никого из них.**

58

улица Вечная, 9

дом Даниловых:

на плитах паданцы,
        подстрижена лужайка,
а здесь жила болонка-пустолайка, —
за мной бежала, провернувшись под забор.

от страха потеряла я туфлю,
а, может, и сознание, — и сплю,
и не могу проснуться до сих пор.

и вижу: добежала, баба Беба
пошла устроила Даниловым скандал, —

но много лет, как нет у них болонки,
ребёнок их уже растит ребёнка,
в земле на Ковалёвском баба Беба,

и глупая во сне тревожит грусть,
что заругают —

        туфель-то пропал, —
верните мне его, и я проснусь!

***

Стражи древесных арок
не пускают
в арки, сухие ветви,
в боярышниковые изгороди окраин.
Стража леса, стража,
призрачный перебежчик
ранен
смородиной,
дикой смородиной, просит:
пустите меня,
пустите меня вползти
сквозь джунгли
в единственные врата,
нарисованные в ракушке
или звезде,
не нарисованные нигде,
ведущие в никуда,
в никогда.

ЕРГАКИ

Таёжная осень. Кровохлёбка и пижма.
Горный сад пламенеет в пылу осеннем.
Так ослепительно!

Режет глаза
луговая альпийская горечь.

Дремля,
внемлет

Саянская мать

: а в чашах каменных слюда или роса?

Ты в ванне малахитовой умоешь
свои глаза,

чтоб ими убивать.

Но как подёрнуто всё первой желтизной,
когда по грудь в траве, в рубашечке льняной,
шёл с палкой и уже не чувствовал спиной
рюкзак, и тишина была столь совершенна

...но кто-то пел —

была то пеночка, вьюрок?

...но кто-то пел —

мне вовсе невдомёк:

поэт-отшельник или что за шельма,
косой, как я, хромой, как я, и дурачок, как я,
я так смеялся и рыдал:

да это и есть я!

***

Я плыл через море и приплыл в Святую Столицу.

Вот погибает Столица.

Сидят на ветвях в изобилье великом златые птицы, расписные павы,
жар-птицы.

Вот погибает Столица.

Я хочу ещё светлей, пышней, огненной, самозабвенней! —

в этом городе юных,

городе сплошного fuck-а

— эти умирающие поколения —

ход лосося, кишенье макрели,

мириады переливчатых рыбок, золотых, серебряных, алых.

Всё изобильное буйное лето преумножается плоть

и разлагается плоть; смерть и природа —

ненавистницы и сестрицы.

Развёрсты могилы, из костей возведены храмы,

монументы величия,

капища срама —

я, собственно, и приплыл.

Вот погибает Столица.

Вы, стоящие в святом огне Бога, как в золотой настенной мозаике,

научите моё сердце замирать, заходиться, таинственно веселиться,

петь этим падшим лордам и леди и пробудить Спящего Василевса.

Я плыл через море...

Вот погибает Столица.

***

чёрные люди с Китайского озера принесут драгоценные камни
на обмен с людьми Лукоморья,
умирающими в ноябре,
    воскресающими весной,
где рыбы с людскими телами, как вор, выбивающий ставни,
разбивают лёд реки Тахмин,
и выходят, как первый паводок, как влюблённость, —

когда я в подземных пещерах пил мёд
    с людьми с собачьими головами,
когда я в подземных пещерах пил варево горных троллей,
псоглавцы, рыбоголовые, чёрные менялись дарами,
и безобразная Маргарита видела гномов,
и я чах в октябре, как Кощей над царевной и золотом,
я умирал в ноябре,
    воскресал весной,
псоглавцы, рыбоголовые, чёрные были рядом,
цедили мёд,
    головой пробивали лёд
и выходили, как первый паводок, как влюблённость.

СВАДЬБА АЛЬБАТРОСА

СВАДЬБА АЛЬБАТРОСА

Уже несколько лет молодой альбатрос танцует перед своей возлюбленной брачный танец: чистит перья, поглядывает по сторонам, щёлкает клювом и взъерошивается.

— И вам осталось недолго, как и нам, — сказал молодому альбатросу желтоглазый пингвин, живущий в нескольких милях от септариевых валунов Моераки, — мы вымираем, и вы вымрете. Сто пятьдесят лет назад вы все чуть не пошли на перья для дамских шляпок, о чём потом сложили сказку про одну принцессу и её белый головной убор, ради которого убивали чудесных птиц. В море истощилась рыба, а недавно твоя кормящая сестра отрыгнула кусочек пластмассы своему птенцу вместе с пищей. Или тебя убьют забавы ради, или проглотишь наживку из рыбной трешки, насаженную на крючок.

Скроенные для полёта, с птичьими перепонками на лапках, с ноздрями по бокам клюва и жёсткими узкими крыльями, десятки миллионов лет назад вы пришли в этот мир из небесной земли альбатросов. Какие песни напевает вам море, кормящая мать ваша?

Молодой альбатрос приносит своей возлюбленной моллюсков и кальмаров, мелкую рыбёшку и своё горячее, должно быть, сердце.

Завтра Вечность обвенчает их. Завтра молодой альбатрос совьёт своё гнездо в том же месте, где вылупился сам. Завтра вся Голова Тайароа: меховые тюлени, живущие на камнях, и морские львы, обитающие в песке, пятнистые бакланы и кулики-сороки будут гулять на их свадьбе.

ВОКЗАЛ

Удивительная решётчатая конструкция из железа и базальта, украшенная геральдическими львами, — викторианский вокзал. Парящие виадук и превосходная каменная кладка добавляют ему гордости. Я красив, — сказал бы вокзал, — и я сожалею, что стимпанковский путь развития осуществился не у нас.

Я подобен дворцу, — сказал бы вокзал, — полному старинной мебели, серебряной посуды, китайского фарфора, коллекций слоновой кости и хрусталя, — сквозь которые проступает единственный, забытый и неповторимый образ того, умершего, кто путешествовал по миру в поисках красоты.

Красота, нищая и босая, об руку с Мудростью и Истиной неузнанной гуляла по миру и увидела наш вокзал. — Этот вокзал весьма красив! — воскликнула она. — Мудро! — Воистину! — согласились Мудрость и Истина. — Он должен порадовать Господа, умершего и воскресшего, ходившего по миру босым и неузнанным, как и мы, — решили сёстры и хотели забрать его на небо, но вокзал отказался: ведь если бы не он, кто бы на земле ещё помнил о единственном, забытом и неповторимом образе архитектора, а также встречал бы и провожал поезда?..

ВРЕМЯ СНОВИДЕНИЙ

66

Вы когда-нибудь были лесорубом или утконосом?..

Ничего об этом не знают биолюминесцентные черви в известковых пещерах: они слишком совершенны и поглощены собственной светимостью. Ничего об этом не знают ленточные, как черви, сталактиты в пещерах: и они тоже слишком совершенны. Что им до фермеров, заселивших долины несколько столетий тому назад, — в долинах и пещерах время течёт по-разному, как вода в долинах и горах.

Время фермеру доить корову и время Нептуну обрушить на его ферму воды Океана, и кто тогда отличит фермера от коровы, парное молоко от морской воды?

Когда лесоруб был утконосом, об этом говорили так: надо нарисовать фреску. Надо спеть песнь, родить младенца, белого, как неведомый снег, и румяного, как невидимая кровь. Надо тасманскому дьяволу и архангелу Гавриилу играть на берегу моря, а куннице лепить из мокрого песка фигуру кенгуру.

Когда утконос был лесорубом, об этом говорили так: сколько лет выветривается из камней кварца белый песок, столько лет Господня любовь под действием всех ветров земли будет выветриваться из

моего сердца, пока не накопятся её белые безграничные дюны, заполнившие собой весь мир и превратившие его в пустыню.

После — сердце моё станет совсем пустым и лёгким, и Господня любовь оставит его, так что я смогу перекидывать его из левой руки в правую, не боясь уронить, или замахнуться и бросить в пучину Океана. После — произойдёт чудо. Я, бывший лесорубом и утконосом — крапчатой сумчатой куницей — кенгуру — эму — страусом — верблюдом — водяным буйволом — и тасманским дьяволом — буду поднят к Нему на небо.

Во время сновидений об этом говорили так: когда лесоруб был утконосом, когда утконос был лесорубом, когда тасманский дьявол был гималайским ангелом, а старик — мачтовой сосной, но, может быть, всё это стали говорить уже во время идей, когда вещи обрели свою определённую, а во время сновидений молчали, превращались и пели.

СТИХИ ДЕВЯТИ ОЗЁР

*** (озеро *Осиновское*)

созерцающая вещи, открываешь путь чудесам.
лестница, выдолбленная в песке, ведёт на безлюдный пляж.
я сижу там один — отшельник и маг, рядом ржавый велосипед,
бутылка тёмного пива, чей-то затёршийся след.
мои пальцы вливаются в озеро, словно реки.
я отдаю свою память Александру, Евгению, Юрию, Роману, Ивану.
я отдаю свои уши русалочьим голосам.
я отдаю глаза подводным малькам и бликам.
я отдаю нос запаху водорослей, смолы, песка.
мой рот молчит и не знает слов,
как рот пеликана, в котором трепещет улов.
моё сердце — дом нищего человека.
мой ум — дворец нирваны.

68

*** (озеро *Ветреное*)

по красной дороге сюда пришёл через долгий лес.
— возлюбленный мир! — вот — ки—
дает весло загорелый мужик на лодке,
жарят шашлык выходные люди на джипе,
и синий купальщик с красной своей бородой.
но обычно здесь пусто, лишь я сижу на отшибе,
а озеро светлое, словно проточное, с красной водой:
красная глина, красный песок, красный ил,
кровь зимних солдат твоих, грудь снегирей твоих,
раны ступней твоих, мякоть расклёванных вишен твоих...
в долине смерти ночью замёрзла дивизия — наша? врага?
дачные дети, намазав кожу, играют в индейцев,
строят шалаш у кривых деревьев, где ведьмин шабаш.
и если ты заблудился, то надо найти могилу красноармейца.
до того, как гусей-лебедей выпустит баба Яга,
как выпрыснется на закате воздушная благодать —
растопит стёкла старой веранды,
мертвецы заклебятся в дыме печной трубы,

и выйдут в небесный обход стразовые дурынды
нашу ночь соглядать
    побежденным начальством судьбы.

*** (*озеро Малое Борковское*)

Дедушка Ау помер зимой в холода.
Букаху сбил грузовик. Джексон подшился.
Борода забесплатно, бывает, меня угощает.
я спал у магазина, выгнали, пришёл на мостки.
в небе ясный месяц протягивает от мостков дорожку.
распускает волосы какая-нибудь Катерина.
разжигают костры подростки, достают гитары.
подсаживаюсь, запеваю: «Афганистан, кровавый край...»,
веселюсь, выпиваю стопку, показываю награды,
подмигиваю глядящей в землю девчонке: «что, коза такая-то,
небось не знаешь, что такое заниматься сексом по-офицерски?»

*** (*озеро Большое Борковское*)

смех и горе гуляют по берегу,
смех мой, горе моё, кукушачье ку-ку,
вдали - петушачье кукареку, вблизи — лягушачье ква,
кувшиночки ладоши и зажмуренные цветы,
озеро, разморённое, как молоко, готовится ночевать,
от солнца осталась одна полоса всё слабеющей красоты, —
как калинов мост над огнём, как печной каравай
в утробе печи, что просит: отведай моих хлебов,
яблоня красными яблоками трясёт, умоляет: срывай.

Василиса премудрая ищет свою любовь.
крупные слёзы в кольцах травы лежат,
в листьях осин дрожат.

чайки кружат, чаячьи кольца, пепельно-дымные перья,
как зола от костра, которую ветер носит.
по берегу гуляют моя грусть и моё веселье,
моя трезвость, моё похмелье,
молчат, ничего не просят.

*** (озеро Безымянное)

как пошли мы с дивной матушкой покупать сапожки
у длинноносой старушки — бабушки Ёжки,
а и привели меня к лесному мужичонке сапожки
в лаптях и рубахе, с волосами-соломой и на меня похожему.
всё-то шутки шутил, словечечки и поговорочки мужичонка,
повёл меня к топям, где редкий болотистый лес, как его бородёнка,
а из заросших озёр смотрят-качаются сухие тростинки,
в общем насилу ушёл от того мужчинки.
но мил он мне пришёлся, как душа родная, и сердце моё потешил,
я потом как-то вдруг понял, что это леший.
пришёл к матушке и говорю ей: видел лесного мужичонку в лаптёнках,
он повёл меня к топям, где редкий болотистый лес, как его бородёнка,
отвели меня к нему бабушкины Ёжкины лихие сапожки,
это был сам леший, и на меня, как отец родной, почему-то похожий.
а матушка мне: ой, ой, они тебя нашли, они тебя всё-таки достали,
а я столько лет от них скрывалась, но делать нечего, так что слушай:
мужичонка этот в натуре грёбанный леший,
и ты — его сын, а я — русалка, но из озёрной дали
ушла к людям, и все эти годы жила, маскируясь под человека,
и тебя воспитывала так, чтобы ты не догадался, что ты сын лешего
и русалки,
хотела, чтобы ты получил образование, вышел в люди.
вот такую историю, ёлки-палки,
дивная матушка мне преподнесла на блюде,
и надо мной, побелевшим, по-русалочьи захихикала.
а я-то думал, я человек, да не похож я на человека,
сам чувствую, что меня тянет к омуту, к тростникам, к озёрам,
где мои тётушки и бабушки, к лесному мужичонке в сырую чашу,
и испил я до дна в ту минуту чашу позора.
и понял я, что таким я создан, и куда мне от этого деться,
и на гнилом болоте пребывать мне слаще,
чем среди сынов человеческих, ибо я —
сын чародейский,
нечисть лесная, проще говоря, - кикимора.
это, согласитесь, пожётче случилось со мной приключение,
чем если б я просто был негр, садомазохист или голубой.
и охватило меня такое глубокое отчаяние в моём спасении,
что я поднялся на крышу высотки, чтобы покончить с собой.

*** (*озеро Радужное*)

землянка рыбака на берегу.
большие звёзды на сыром лугу.
над свежей черникой, над пьяной морошкой —
дымные стружки и месяца рожки.

вышли ночницы, прошли и ушли
в чёрных платках с огневыми цветами.
ели, скренившись, тропу замели:
дом свой забудь и забудься здесь с нами... снами...

и куда меня в темноте завела судьба:
в сплетеньях деревьев ветвями обвитые черепа,
змеиные яйца, кости, и без окón изба.

сломы ветвей или запястий изломы,
ветви, повившие ветви, вервьём на локтях,
и паутина жгутами свивается, льстясь
сладкой щекоткой до смерти в оковах зелёных.

71

*** (*Чёрное и Белое озёра*)

1 (*озеро Белое*)

свет голубинный и вешего ворона мрак —
капля двойная на давней двуцветной эмблемке.
небо и ад заключают непризнанный брак —
думка моя в этот вечер о Бёме и Блейке.

дивом предивным любуйся: лес в блёстках лучей
розовых и изумрудных, как бор Лориэна,
серебра-злата собор из деревьев-свечей —
образ природы спасённой и благословенной.

словно любовным резцом — как святые отцы
славу господню воспеть открывали уста —
выточен образ природы, и в нём — красота,
мудрость, покой, исцеление, всё — о Творце.

2 (озеро Чёрное)

череп лесной, оgranённый хвоей,
 с нетопырём, неясью, змеёй.
 в голые ноги — крапивная плеть.
 в образ природы впечатана смерть.
 папоротники, что тянутся вверх,
 небо закрыв, и цветут на Купалу,
 корень их — яд, отпадение, грех,
 буйство травы, птичий щебет и ропот.
 ранящий серп, что срезает омелу,
 дрогнет, почувствовав древнюю похоть
 хищной природы; тигровые звери
 нежно и страстно друг друга едят,
 из-за деревьев беспутные фейри
 за птицеловом с ухмылкой следят.
 се есть природа из корня от древа
 знания зла и добра,
 та же, другая, светла и мудра,
 от древа Жизни.

как право и лево —
 озеро Белое, озеро Чёрное, но
 кто посадил оба древа,
 или оно — одно?

*** (озеро Блюдечко)

 вся бесконечность нам судьба,
 а мир — разбитая игрушка.

 в руках ребёнка —
 нож, «Плейбой» и «Ягуар»,
 плечо невесты с меткой проститутки,
 и вся эта лазурь и киноварь —
 кровь неизвестного солдата в незабудках.

но чаю-чую леший с водяным у лесного костра поют:
это мы сделали революцию в раю,
как мы были молоды и красивы в отважном строю,
как мы любили ходить на краю,
теперь смотреть на нас страшно,
но это не важно...

а вот и мой дружок Ваню
бренчит на гитаре на бережочке диком.
бескомпромиссны, несносны, чисты,
дети-уроды, дети-индиго,
эльфы и назгулы, братья и сёстры,
поём, прижавшись друг к дружке,
про судьбу — бесконечность,
мир — сломанную игрушку,

и дружок мой запекает, и я подпеваю:

*я ищу таких, как я,
сумасшедших и смешных,
сумасшедших и больных,
а когда я их найду,
мы уйдём отсюда прочь,
мы уйдём отсюда в ночь,
мы уйдём из зоопарка,
ла-ла-ла,
ла-ла-ла*

***

не звучат голоса колодезных журавлей,
иней спросонья гложет, как рожь спорынья,
горлышки журавлиные. на озере польнья
по-русалочьи спросит: польнь или сельдерей?

может, сорока, ты на хвосте принесла вестей,
кто по сердцу звезде магазина короткого дня,
— хочет она армянина, солдата, меня?
спит сожитель её, завалившись в сугроб у путей,

под пологом холода в белой горячке вбирая
гул электричек, насмешки чертей, лай собак,
словно оставлено всё,
— но какой-то пустяк,
мимолётная вещь, притулившись нечаянно с краю, —

бедный дорожный кустарник весь свет соберёт,
что изливается в мир и дарит, умирая,
покуда солдат убивает и пьяница пьёт,
в хмелю и убийстве им толику радости Рая.

***

день райский прозрачен взгляду,
в зеленоватой воде Днестра поросшие буком и грабом
холмы твои, Молдавия, Украина;
раннее утро колодезных слёз бесцветных
из глаз старушки, идущей за нищенским ветром
дорогой колдобистой мимо коров деревенских,
привязанных коз, —

только пропел петух.

из тюрьмы не вернулся пастух, что убил ножом деву,
изнасиловав тело её, русые пряди на руку намотав,
долго скрывался в лесах, воровал по ночам хлеб и водку.
в это раннее утро прощённых, утро спасённых,
утро раненых, изнасилованных, безумных
русая дева гуляет по склонам трипольским в крапиве,
и древность на черепках красной глины

играет костями прозрачными и чертит имя
мёртвой царевны в неведомых ожерельях
и юноши с луком былинным, царевича Елисея.

воздух медленен, время воздушно, вот аист на красной длинной
ноге, как церковный подсвечник и свечка из парафина,

с язычком пламени клюва.

вот аисты улетают медленно над Днестром,
и день подобен качели, оброненной и падающей

в развёрстом мгновенье.

***

дителя смотрит в окно
на налёт бронированной саранчи
из кладезя бездны, как дым из большой печи, —
солнца затмение, воздуха горе.
перед престолом стеклянное море.
распускаются голубые медузы в амфитеатрах на дне океана,
поющие водоросли, люминесцентные джунгли.
Белый, с ногами, подобными халколивану,
раскалёнными, словно угли,
голосом трубным
что Он сказал Иоанну?
дождевые леса, рыдающие лианы.
на престоле Сидящий подобен яспису и сардису,
радуга над престолом подобна смарагду.
гиацинтовая броня садистов —
две тьмы тем и четыре Ангела при Евфрате.
на берегах великой реки тростник и папирус.
звездопад, звездопад,
хвост дракона, залпы военных
превращаются в волосы нимфы, рождённой из пены,
Анадиомены, наряженной в солнце Елены,
в каждом венчике цветка —
дюймовочка в танце с эльфом,
в каждом шарике кислорода —
сульфида танцует с сифом,
в каждом шарике крови —
код ДНК, Солнце Вселенной,
атомная война, восстание ангелов, смертельный вирус.
дителя смотрит в окно на пепелище мира,
в травах кислотных ржавеют разбитые танки,
гробницы в грибнице, мраморные руины,
марсианские мхи, акселераты-поганки.
бьёт копытом огненный конь с образиной львиной.
сирена воздушной тревоги.
о чём — гласом, как шум вод многих,

к рабу Своему Иоанну Тот, в Чьей деснице семь звёзд,
из Чьих уст выходил обоюдоострый меч —
начинал речь
Тот, Чьи халколивану подобны ноги?
дитя смотрит на полуразрушенную колонну,
две маслины в засухе и кровавой воде,
язвы конного войска,
и ни убийств своих, ни чародейств вы уже не исправите.
Опоясан Он поясом золотым, с волосами, как белая волна.
На руинной колонне: «не бойся» —
Господне граффити.

СОДЕРЖАНИЕ

Гензель и Гретель на пороге домика (С. Круглов)	7
«Я лист взяла...»	15
ОГОРОДНАЯ ПЕСНЬ	16
ВОЗВРАЩЕНИЕ (КОРОЛЕВА ГОРОХА)	16
«О, чернозём, зачем расти...»	17
«Чучелко, чучелко...»	18
ОГОРОДНАЯ ПЕСНЬ	19
Соната из консервной банки	20
«Сосуд тумана и стекла...»	22
«радуга, запечатлённая на асфальте...»	24
Фронтовой лес	26
Про сынов страны	27
*** (<i>нарния</i>)	28
«мозаика на витраже соберётся в заповеданный образ господень...»	29
«брошенные дачки и участки...»	31
«пруды на заросших участках в сплетенье ветвей...»	32
«дикие гуси-лебеди вылетают от бабы Яги...»	33
«летний обморочный город...»	34
«пустыри у залива...»	36
*** (<i>апокалипсис</i>)	37
*** (<i>дождь</i>)	40
«Белая белена, чёрная белена...»	42
«как рассказать бесконечную сказку белого света...»	43
«рельсы-рельсы шпалы-шпалы...»	44
Луна	45
«брат и сестра...»	46
«В талом копытце...»	47
«Синий цветок видит свои миры...»	48
ГОРОДА	49
ГОРОДА: ПЕРЕЧЕНЬ	49
МАЙЯ	49
БЛИЗНЕЦЫ	50
ДАЧНЫЕ ДОМА. УЛИЦА ВЕЧНАЯ	52
Медяница и груша	59
«Стражи древесных арок...»	60
Ергаки	61
Русский север	62

«Я плыл через море и приплыл в Святую Столицу...»	63
«чёрные люди с Китайского озера принесут драгоценные камни...» . . .	64
СВАДЬБА АЛЬБАТРОСА	65
СВАДЬБА АЛЬБАТРОСА	65
ВОКЗАЛ	65
ВРЕМЯ СНОВИДЕНИЙ	66
СТИХИ ДЕВЯТИ ОЗЁР	68
«не звучат голоса колодезных журавлей...»	74
«день райский прозрачен взгляду...»	75
«дитя смотрит в окно...»	76

Алла Горбунова
КОЛОДЕЗНОЕ ВИНО
Стихотворения

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта *Вадим Месяц*
Главный редактор серии *Андрей Тавров*
Макет и верстка *Валерий Земских*

80

В оформлении использованы рисунки
Giovanni Battista Braccelli

«Русский Гулливер»
тел. +7 495 159-00-59
www.gulliverus.ru
russian_gulliver@mail.ru

По поводу покупки книг звонить:
+7 (905) 575 4103
Олег Асиновский

Подписано к печати 17.03.2010. Формат 140 × 200.
Бумага офсетная. Гарнитура NewtonС.
Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Cherry Pie»
112114, г. Москва, 2-й Кожевниковский пер., 12